

которую испытывает к повествователю «убийца и долголетний каторжник Дубов». Любовь побеждает все зло, причиненное им людям, поэтому в поминальнике рассказчика Дубов числится как «убиенный раб Божий» (с. 41).

Вторым человеком, чей духовный авторитет рухнул в сознании героя «Гагарьей судьбины», был Григорий Распутин. Значимость его личности для повествователя проявляется уже в том, что ему отведено в рассказе две главки и что ключевой образ «гагарьей судьбины» вплетен в повествование о Распутине. Клюев описывает не подтвержденную биографами первую встречу с Распутиным и делает его «земляком и сомолитвенником». Автор создает сказочно-мифологическую атмосферу Севера, где на костях самосожженцев за истинную веру «доселе» «цветет, шумит Неопалимое Древо» (с. 43).

«Сивая гагара» — символ удачи, обретения своей судьбы и веры. Ухватить ее может «талантный человек», разгадавший тайну жизни и смерти. «Певучее сивое перо», которое гагара отдает в свой смертный час, — дар поэта, полученный автором от матери-природы, от Великого Онега, «чаши гагарьей». Был дарован «голос» и Распутину, спасшему ладью с богомольцами. Но Клюев сразу же «подсказывает» читателю, что «сибирский мужик» не выдержал испытания судьбой и потерял зачатый пищик: «Голосник был — *захваленный ныне* гагарий погонщик — Григорий Ефимович Распутин [выделено мной. — Т. П.]» (с. 44).

В описании второй встречи с Распутиным в Петербурге, через семнадцать лет, с первых строк вводится мотив отпадения от Бога и народа. Вначале это бес-сыщик на Гороховой, затем «бесовское» связывается непосредственно с бывшим «земляком». Автор табуирует имя, закавычивая местоимением «он», подчеркивает печальные изменения во внешнем облике, городской, «не народный» костюм. Отказ Распутина от народной веры раскрыт через значимую деталь: «В углу иконы не истинные, лавочной выработки». «Бесовский» мотив становится сюжетным: когда рассказчик творит молитву, перед тем, как «аминь» сказать, он слышит стон «братишки» — беса, «низшей плененной Распутиным сущности» (с. 45).

В противовес тем, кто изменил вере, народу, судьбе в финале возникает образ истинной праведницы, подтвердившей своей мучительной смертью верность святой Руси, «царицой сестры Елизаветы Федоровны», которую окружают любимые художники автора — Нестеров и Васнецов. Мысль о необходимости отдать свою жизнь за убеждения и предчувствия будущих крестных испытаний, утверждение «последней крестной любви» (с. 48) завершают «Гагарью судьбину».

*Нарумов Б. П.
(Ияз РАН)*

ДАЛМАТИНСКИЙ АРЕАЛ В СОВРЕМЕННОМ РОМАНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

С начала XX в., после выхода в свет известной монографии М. Бартоли¹, в каноническом списке романских языков неизменно фигурирует в качестве вымершего языка далматинский. Его последний носитель, Антонио Удина, ушел из жизни в

¹ *Bartoli M. Das Dalmatische. Altromanische Sprachreste von Veglia bis Ragusa und ihre Stellung in der Apennino-Balkanischen Romania. Wien, 1906.*

1898 г., но романистам удалось зафиксировать остатки далматинской речи, позволяющие в определенной степени реконструировать лежащую в их основе оригинальную языковую систему, отличную от языковых систем соседних ареалов. В течение XX в. было издано значительное количество трудов, в которых рассматривалась разнообразная проблематика далматинского ареала. Современное состояние далматинского языкознания, и прежде всего труды хорватского романиста Ж. Мулячича, большая часть которых была опубликована несколько лет назад в виде отдельного сборника², дают возможность понять, какие языковые состояния могут обозначаться этим лингвонимом, за которым скрываются довольно отличные друг от друга языковые состояния, со значительной степенью условности объединяемые в один язык. Под далматинским языком в действительности понимается не один четко очерченный в пространстве, времени и социуме языковой вариант, а ряд реконструируемых с различной степенью полноты языковых состояний с разной пространственно-временной локализацией. Такое положение вещей не является исключительным для романского языкознания, поскольку многие «языки» (такие, как ладинский, сардинский, франко-провансальский и даже окситанский) выделяются в качестве отдельных «диасистем» на основе анализа сходств и различий ряда контактирующих в пространстве идиомов, часто в отвлечении от социолингвистических критериев (наличие стандартного языка, языковое сознание и др.). Необычность далматинской ситуации заключается в том, что исследователям приходится иметь дело с фрагментарным материалом, на основе которого предлагаются гипотетические реконструкции прошлых языковых состояний и ситуаций, поэтому можно утверждать, что лингвониму «далматинский язык» присуща значительная неопределенность значения.

Следует отметить, что данный лингвоним не является единственным. Против его использования в свое время высказался хорватский романист П. Скок, предложивший более точное с диахронической точки зрения наименование «далмато-романский довенецианского периода» (примерно до начала второго тысячелетия от Р. Х.), имея в виду, что последующие состояния далматинского являются результатом интерференции с хорватским и венецианским³. Другой хорватский романист — Х. Барич⁴ — применительно к тому же языковому состоянию довенецианского периода использовал название «стародалматинский», однако, по мнению Ж. Мулячича, это уточнение излишне, поскольку не существует «новодалматинского» языка⁵.

В романистике употребительны также частные названия, соотносимые с конкретными вариантами. Романская речь о. Крк, засвидетельствованная в XVIII—XIX вв., носит наименование «вельотский» (итал. *veglio[t]to*), образованное от итальянского названия этого острова *Veglia* < лат. (*CIVITAS*) *VETULA* ‘старый (город)’. Другой, намного менее исследованный, вариант далматинского, а именно романскую речь средневековой Рагузы / Дубровника, именуют «рагузанским / рагузинским», иногда «старорагузанским».

Проблема выбора названий для вариантов романской речи далматинского побережья возникла, в числе прочего, по причине незнания местной традиции именования языка его носителями. Однако отрывочные сведения на этот счет все же имеются. Последний носитель далматинского Антонио Удина называл свой язык *veklisun*.

² *Muljacic Z.* Das Dalmatische. Studien zu einer untergegangenen Sprache. Köln; Weimar; Wien, 2000.

³ *Skok P.* Dalmatski jezyk // Enciklopedija Jugoslavie. T. 2. Zagreb, 1961.

⁴ *Baric H.* O uzajamnim odnosima balkanskih jezika. I. Ilirsko-romanska jezycka grupa. Beograd, 1937.

⁵ *Muljacic Z.* Op. cit. P. 17.

П. Скок предполагает, что в Средние века единого названия языка не было, и в каждом населенном пункте он назывался по-разному. Вместе с тем существовало общее противопоставление романской («латинской») и славянской (хорватской) речи, которое находило свое отражение в документах, составленных на латыни. Так, в документах Задара различались *testes latini* ‘латинские свидетели’ и *testes slavi* ‘славянские свидетели’⁶. Поскольку к романоязычному населению Далмации традиционно применялся этноним *latini*⁷, то их язык мог называться «латинским». Например, в постановлении рагузанского Сената 1472 г. об обязательном использовании местного языка во время дебатов (но не в протоколах заседаний), текст которого приводит Ж. Мулячич⁸, фигурируют такие обозначения, как *lingua ragusea*, *lingua veteris ragusea*, *latina ragusea*, противопоставляемые обозначениям итальянского языка: *lingua latina vulgaris*, *lingua italica*. Существование же общего лингвонима «далматинский» не засвидетельствовано; это название ученого происхождения, и в настоящее время в романистике оно является наиболее употребительным. Однако его наличие не должно заслонять от нас того обстоятельства, что в действительности никогда не существовало единого далматинского языка подобно тому, как никогда не существовало единого далматинского государства и единой далматинской нации.

Понятие «далматинский язык» в принципе можно рассматривать как *классификационное* понятие, соотносящееся с некоторым числом структурных признаков. Однако таких признаков оказывается совсем немного; к далматинским идиомам причисляются те, в которых сохранились интервокальные глухие смычные (например, в вельотском FOCU > fwoke ‘огонь’, CAPUT > сир ‘голова’, NEPOTE > перавт ‘внук’, ‘племянник’), а также заднеязычные С и G в позиции перед Е (перед I они сохранились в южнодалматинском, но ассимилировались в северодалматинском; например, CAENA > вельот. kaina, рагуз. kena ‘обед’, PORCI > вельот. риарс ‘свиньи’, OCCIDERE > рагуз. anchidere ‘убить’). Об общих морфологических признаках не приходится говорить по той простой причине, что нам известна, более или менее хорошо, только грамматическая система вельотского, а о других вариантах имеются отрывочные сведения. Отсюда следует вывод, что в традиционном классификационном смысле понятие «далматинский язык» оказывается весьма слабо обоснованным.

О единстве далматинского языка невозможно говорить ни во временном, ни в пространственном плане. Более или менее полные сведения у нас имеются лишь относительно одного хронологического периода XIX в., представленного единственным пространственным вариантом – вельотским, поскольку в большинстве городов Далмации далматинский вымер уже в XI–XII вв., и только в Рагузе / Дубровнике он продержался в качестве «реликтового» языка дву- и трехязычных представителей правящего класса до второй половины XV в.⁹ Ядертинский вариант г. Задара использовался, предположительно, в деятельности коммунальных органов до прихода венецианцев в 1409 г. и вымер несколько ранее рагузанского. М. Дория датирует исчезновение последних вариантов далматинского, исключая вельотский, примерно 1400 годом¹⁰.

Далматинисты имеют дело в основном с двумя временными вариантами, которые в то же время являются и пространственными, причем *изолированными* друг от

⁶ Skok P. Op. cit. P. 653.

⁷ Metzeltin M. Italienisch: Areallinguistik IV / Aree linguistiche IV. c) Venezianisch und Italienisch in Dalmatien // Lexikon der Romanistischen Linguistik. Bd. IV. Tübingen, 1988. P. 553.

⁸ Muljacic Z. Op. cit. P. 427.

⁹ Metzeltin M. Op. cit. P. 556.

¹⁰ Doria M. Dalmatisch: Interne Sprachgeschichte // Lexikon der Romanistischen Linguistik. Bd. 3. Tübingen, 1989. P. 530–531.

друга вариантами – с немногочисленными свидетельствами рагузанского XIII–XV вв. и с более полными сведениями о вельотском XIX в. Сравнительный анализ этих двух идиомов показывает, что их фонетико-фонологическая структура весьма различна, ибо является результатом действия неодинаковых законов фонетической эволюции, которая протекала к тому же в условиях контактирования далматинских идиомов с хорватскими диалектами и с венецианским, причем результаты языковых контактов были разными в двух ареалах. В целом и вокализм, и консонантизм рагузанского оказываются более консервативными, чем в вельотском; последнему присуща крайне оригинальная система вокализма, не имеющая параллелей в других романских ареалах. Сравнение на морфологическом уровне затруднено, поскольку рагузанский засвидетельствован в виде отдельных словоформ, однако можно указать на существенные различия в морфологическом составе глагольных словоформ; ср. рагуз. *fachir* и вельот. *fuor* (< * FACERE) ‘делать’, рагуз. *rosa* и вельот. *rotaja* (3-е л. ед. ч. конъюнктива от глагола со значением ‘мочь’); ср. также характерные для «инхотативного» спряжения глагольные суффиксы рагуз. *-isc-* < *-ESC-* и вельот. *-aj-* < *IDI-*¹¹.

Рассматривая вопрос о хронологических рамках далматинских идиомов, необходимо обратить внимание на качественный аспект проблемы: если «подлинным» далматинским считать далматинский довенецианского периода, который, однако, в силу особенностей политико-экономической истории Далмации не смог консолидироваться в виде обработанного письменного варианта, то можно ли считать собственно далматинскими те контаминированные варианты, которые возникли в результате взаимодействия с венецианским и хорватским? Известный итальянский романист К. Тальявини дает ограничительное определение далматинского языка: «Под наименованием *далматинский* мы понимаем довенетский неолатинский идиом, ныне вымерший, который сформировался на далматинском побережье как спонтанное и непосредственное продолжение латинского языка»¹². Поскольку вельотский не является «спонтанным и непосредственным продолжением латинского языка», логично утверждать, что он не является вариантом «истинного» далматинского языка. В противовес этому Ж. Мулячич прямо указывает, что латынь о. Вельи смогла стать собственно вельотским только благодаря носителям хорватских говоров, часть которых стала овладевать вельотским по крайней мере с IX в., интерпретируя его гласные фонемы на основе собственной фонологической системы. Со своей стороны вельотофоны овладевали хорватским и/или венецианским. Подобная ситуация наблюдалась также на юге Далмации, где славяне реинтегрировали романский вокализм, исходя из собственных навыков¹³.

Не менее сложным является вопрос о пространственных границах далматинского, который связан с вопросом о включении или невключении в понятие далматинского языка тех или иных вариантов романской речи далматинского побережья и с проблемой диалектного членения далматинского, при решении которой возникает необходимость определить, имеем ли мы дело с одним языком, представленным рядом близких вариантов, или же расхождения между ними столь велики, что можно говорить о существовании двух или более далматинских языков.

Прежде всего следует учесть, что после VII в. не существовало компактного далматинского ареала, причиной чему является вторжение славян на территорию Дал-

¹¹ Ibid. P. 522.

¹² Tagliavini C. Le origini delle lingue neolatine. Introduzione alla filologia romanza. Bologna, 1969. P. 374.

¹³ Muljacic Z. Op. cit. P. 397.

мации. Иными словами, в средневековой Далмации не было ни языковой, ни коммуникативной общности; далматинские идиомы не функционировали в границах единого государства, в котором могло бы осуществиться их «центрирование» и была бы выработана единая письменная норма. По этой причине далматинскому может быть придан статус отдельного языка, исходя исключительно из внутрискруктурных соображений, когда в один язык, в одну диасистему объединяется ряд структурно близких вариантов. Однако именно по этому поводу наблюдаются наибольшие колебания и разногласия.

Что касается восточной границы далматинского, то этот вопрос в целом мало дискутируется, поскольку фактически рассматривается далматинская речь только прибрежных городов, а вопрос о наличии далматофонов в глубине материка остается открытым; кроме того, уже давно признается наличие «лакуны романизации» между протодалматинской и проторумынской латынью, которая не позволяет говорить о единой балканской латыни и о едином (прото)балкано-романском ареале.

Остается проблема определения северной и южной границы далматинского. Суть ее заключается в том, чтобы решить, рассматривать ли истриотский / истро-романский на севере и вымерший албано-романский на юге как отдельные, автономные языки или же считать их периферийными диалектами далматинского языка. Ж. Мулячич считает, что истриотский нельзя относить к далматинскому ареалу. Такая отличительная черта далматинского, как сохранение интервокальных глухих смычных, характеризует романскую речь Истрии только до определенной границы, которая проходит немного западнее линии, соединяющей населенные пункты Трсат и Логатец¹⁴.

Намного сложнее оказалась проблема определения южной границы далматинского ареала. П. Скок провел ее между городами Будва и Бар; это была граница между владениями Венеции и Оттоманской империи, а позднее – между владениями Австрии и Черногории¹⁵. К. Тальявини, учитывая данные топонимии, отодвигал границу далматинского южнее, до северной Албании¹⁶. Ж. Мулячич, основываясь на анализе документов, сохранившихся в архиве Котора, и на анализе далматинизмов в хорватском, выделил особый лабеатский диалект, ареал распространения которого включал в себя города Котор, Будву, Бар, Улцинь, Леш, а также города «фантомного» албано-романского ареала Шкодер и Дриш. (Название «лабеатский» он произвел от топонима *Iacus Labeaticus*, ученого названия озера Шкодер). Статус вновь выделенного лабеатского диалекта необходимо рассматривать в свете проблематики, связанной с выделением албано-романского ареала. Дело в том, что ряд итальянских ученых (А. Скьяффино, М. Бартоли, Э. Банфи) выделяли, наряду с континентальным типом латыни, лежащим в основе румынского языка, и прибрежным типом, лежащим в основе далматинского, третий тип латыни, частично прибрежный, частично континентальный, который был распространен вокруг г. Диррахия (современного Дурреса) и вдоль *via Egnatia* вплоть до Охридского озера. М. Бартоли придал албано-романскому автономный лингвистический статус¹⁷. Ж. Мулячич посчитал положение «третьего латино-балканского ареала» или «ареала *via Egnatia*» неясным и высказал предположение, что его можно считать диалек-

¹⁴ Ibid. P. 354, 422.

¹⁵ Skok P. Dalmatski jezik // Enciklopedija Jugoslavije. T. 3. Zagreb, 1984.

¹⁶ Tagliavini C. Dalmatica, lingua // Enciclopedia italiana. T. 10. Milano, 1931. P. 243.

¹⁷ Bartoli M. Dalmatico e albaniano-romano, reliquie romaniche nel croato e nell'albanese // Italia e Croazia / Schiaffini A. (ed.). Roma, 1942.

том далматинского, однако позже он уточнил свою позицию, выделив лабеатский диалект, территорию распространения которого он определил от Котора до Леша, но при этом исключил из нее ареал *via Egnatia*; таким образом, денотат условного лингвонима «албано-романский» оказался урезанным, поскольку последним Ж. Мулячич считает целесообразным обозначать только автохтонный романский язык Диррахия довенецианского периода¹⁸.

Определив таким образом границы далматинского ареала (которые, разумеется, могут быть оспорены), Ж. Мулячич следующим образом формулирует проблему его членения: необходимо ли выделять в его границах отдельные диалектные зоны или же можно говорить о существовании *нескольких далмато-романских языков*¹⁹. Поскольку у нас имеются всего лишь фрагментарные грамматики вельотского и рагузанского, то любое членение далматинского ареала в терминах языков или диалектов всегда будет гипотетическим.

На протяжении XX в. были предложены различные членения. М. Бартоли считал далматинский единым языком, хотя и противопоставлял вельотский остальным его вариантам. В течение долгого времени наиболее распространенным был взгляд на далматинский как на единый язык с двумя диалектами – северным и южным, хотя Я. Юд считал, что произвести даже общее деление на север и юг на основе фрагментарного материала (*trummerhafte Uberlieferung*) почти невозможно?²⁰ Критериями членения служили особенности исторического развития вокализма и консонантизма, а также наличие в глагольном спряжении суффикса *-aj-* в вельотском и *-esc-* в рагузанском. Вельотский богаче рагузанского дифтонгами, в рагузанском же сохраняются, в отличие от вельотского, интервокальные группы согласных *-ST-*, *-CS-*, *-GN-*, *-CL-*²¹. Однако постепенно в далматинистике возобладало представление о тройном членении далматинского ареала; например, Дж. Бонфанте выделяет три диалекта: 1) южнодалматинский, известный по отрывочным свидетельствам, содержащимся в документах XIII–XV вв. Дубровника и Котора; 2) центральнодалматинский Задара IX–XV вв.; 3) северодалматинский о. Крк (XIX в.)²².

Проблема членения далматинского ареала подробно рассматривается в ряде работ Ж. Мулячича, в конце концов отказавшегося от концепции единого далматинского языка и разработавшего концепцию, в которой постулируется существование нескольких далматинских языков. Поскольку выделенный Ж. Мулячичем лабеатский диалект по ряду фонетических признаков совпадает с северодалматинским, первоначально им было предложено следующее деление, временные рамки которого ограничены концом XV в.:

А. Далматинский язык с двумя макродиалектами: 1) северный, включающий диалекты Крка, Осора, Раба, Задара, Трогира и Сплита; 2) южный, или лабеатский.

Б. Рагузанский язык²³.

Критерием данного членения является судьба ударного вокализма, совершенно разная в двух языках, обусловленная, в числе прочего, разным временем хорватиза-

¹⁸ *Muljacic Z.* Op. cit. P. 194, 342, 434, 435.

¹⁹ *Ibid.* P. 401.

²⁰ *Jud J.* Zum Dalmatischen // *Jud J.* Romanische Sprachgeschichte und Sprachgeographie. Ausgewählte Aufsätze. Zurich, 1973. P. 433.

²¹ *Rosenkranz B.* Die Gliederung des Dalmatischen // *Zeitschrift für romanische Philologie*, 1955. Bd. 71.

²² *Bonfante G.* Il posto che spetta al dalmatico fra le lingue romanze // *Cultura neolatina*, 1994. Anno LIV. Fasc. 1–2.

²³ *Muljacic Z.* Op. cit. P. 325 sg.

ции и венетизации. Такое изменение в северодалматинском на ранней стадии его развития, как $U > u$ и обусловленное им передвижение $O > u$ (LUNA > **lyna* ‘луна’, CORONA > **koruna* ‘венец’), Ж. Мулячич считает революционными преобразованиями, и они, в числе прочих, служат достаточным основанием для бинарного членения далматинского ареала и постулирования существования, по крайней мере, двух далмато-романских языков. Лабеатский, поскольку его вокализм обнаруживает те же особенности, что и северодалматинский, объединяется с последним, образуя с ним отдельный язык, разумеется, в чисто классификационном, а не социолингвистическом смысле²⁴.

Позже Ж. Мулячич, основываясь опять же на данных исторической фонетики, выделил три далмато-романских языка:

- северный далматинский, включающий диалекты Крка, Осора, Раба, Задара, Трогира и Сплита;
- рагузанский;
- лабеатский, включающий диалекты Котора, Будвы, Бара, Улциня и Леша²⁵.

Аргументами в пользу признания лабеатского языком являются развитие в нем консонантизма по рагузанскому, а не по северодалматинскому типу и особое развитие безударного вокализма, сходное с тем, которое наблюдается в албанском языке: безударные гласные, а иногда и целые слоги выпадают (ср. **NEROTIA* ‘внучка’, ‘племянница’ > лабеат. **nbotsa*, алб. *mbese*).

Итак, членение далматинского ареала производится, с одной стороны, на основе общих соображений социолингвистического характера, в соответствии с которыми предполагается значительная диалектная дифференциация, с другой — на основе традиционных критериев исторической фонетики. Однако остается неясным, достаточно ли нескольких фонетических признаков для выделения, например, лабеатского в отдельный язык и даже для его «перевода» из албано-романского ареала в далматинский и надления статусом отдельного далмато-романского языка — ведь вопрос о степени структурных расхождений, необходимых для признания двух и более идиомов разными языками, в романистике до сих пор остается без ответа.

В заключение приходится констатировать, что лингвоним «далматинский язык» оказывается в высшей степени условным наименованием для ряда романских идиомов далматинского побережья, объединяемых в рамках классификационного подхода в один язык. По существу, мы имеем дело с далматинским *ареалом*, выделяемым в противопоставлении окружающим его ареалам (румынскому, истро-романскому, албано-романскому) по ряду фонетических признаков, однако его пространственные границы, а в некотором отношении и временные (для тех, кто отказывается считать более поздние контаминированные формы речи проявлениями подлинной далматинской диасистемы) остается предметом дискуссий.

²⁴ Ibid. P. 425.

²⁵ Ibid. P. 326.